

ГРНТИ 14.07.05

УДК 37.0

В. В. Волков

ТГУ, Тверь

V. V. Volkov

TSU, Tver

**ЭТИЧЕСКАЯ И ПРАВОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНТОВ:
ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД
ETHICAL AND LEGAL COMPETENCE OF STUDENTS:
LINGUO-DIDACTIC APPROACH**

В статье представлены результаты герменевтической и лингводидактической интерпретации понятий «этическая компетентность» и «правовая компетентность» применительно к задачам учебно-воспитательной работы со студентами. Языковой материал извлечен из энциклопедических и филологических словарей. В теоретическом отношении утверждается, что языковую семантику ключевых слов целесообразно интерпретировать с позиций «наивного» (т. е. не обладающего специальными познаниями) носителя языка. В практическом отношении следует учитывать, что русские обыденные представления о праве выступают как доминантные по отношению к феноменам собственно правовым. Русские обыденные представления о праве основываются на этическом «чувстве справедливости».

The article presents the results of the hermeneutic and linguo-didactic interpretation of the «ethical competence» and «legal competence» concepts in respect of the tasks of teaching and educational outreach. The linguistic materials were extracted from linguistic dictionaries. Theoretically, it is asserted that the language semantics of keywords should be interpreted from the perspective of «naïve» (i.e., who does not have special knowledge) native speaker. Practically, it should be taken into account that the Russian commonplace notions about law predominate over legal phenomena. Russian commonplace notions about law are based upon ethical «sense of justice».

Ключевые слова: образование и воспитание, этическая компетентность, правовая компетентность, лингводидактика, филологическая герменевтика.

Key words: education and teaching, ethical competence, legal competence, linguo-didactics, philological hermeneutics.

В государственных стандартах высшего образования (ФГОСах) требования к результатам освоения программ формулируются в виде различного рода компетенций – общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных. Если содержание и способы организации учебной работы по овладению общепрофессиональными или (тем более) профессиональными компетенциями достаточно ясны, то иначе обстоит дело с компетенциями общекультурными: в силу обобщенности формулировок и тесной связи этих компетенций с воспитательной работой задача определения и содержания, и возможных форм и методов работы оказывается весьма непростой.

В данной работе автор сосредоточивает внимание на компетенциях с этической и правовой составляющими, типа *способность толерантно воспринимать культурные различия* или *способность использовать правовые знания в различных сферах жизнедеятельности*. Цель статьи – характеристика того содержательного ядра этических и правовых компетенций, которое выступает как основа понимания студентами роли этики и права в жизни отдельного человека, корпоративных структур, общества и государства.

Вопросам формирования правовой компетентности (варианты: правового просвещения / грамотности / подготовки / культуры и т. п., или: гражданской компетентности) студентов посвящено значительное количество работ, в том числе диссертационных (А. С. Аникина, М. П. Козловцев, О. А. Лукаш, Ю. С. Сергеева и др.), специально вопросам этической компетентности – несколько меньше (например: О. С. Ардюкова и Л. В. Давыденко [1], Е. В. Безносюк). Важно, что новые работы именно «о компетентности» опираются на огромную традицию правового и нравственного воспитания подрастающего поколения, однако, при всем богатстве традиции и содержания новых исследований с повестки не снимается вопрос: как же именно объяснять, добиваться понимания тех ключевых слов, в которых концентрированно выражаются правовые и этические концепты?

Данная работа выполняется в традициях филологической герменевтики с ее установкой на такое «участное мышление» (М. М. Бахтин), которое фундируется углубленным вниманием к лексической семантике. *Метод* – основывающееся на лексико-семантическом анализе моделирование семантического ядра понятий и терминов *этика* и *право*, *материал* – данные авторитетных профильных исследований, филологических и энциклопедических словарей.

Филологическая герменевтика и лингводидактика в освоении базовых понятий и терминов этики и права

Автор данного материала, будучи филологом, связан преимущественно с филологическим факультетом, однако выполняет учебную работу по русскому языкознанию со студентами и «нефилологических» направлений, центрирующихся как на гуманитарных, так и на точных и естественных науках. В любом случае приходится иметь дело с вопросами этики и права – естественно, в пределах своей компетенции, т. е. преимущественно с фундаментальными вопросами, которые составляют основу правовой и этической грамотности любого гражданина и специалиста.

Ключевая проблема: в типичном случае студенты (подчеркнем: в огромном большинстве люди по-своему весьма эрудированные и сообра-

зительные) достаточно ясно не представляют себе, что такое этика (мораль, нравственность), право (закон, объективное и субъективное право), каким образом этика и право между собой связаны, чему служат и в чем необходимость по возможности неукоснительного следования этическим и правовым нормам.

С филологической точки зрения, это **вопрос о понимании значений** слов *этика* и *право*, а в проекции на те филологические дисциплины, которые специально занимаются вопросами понимания, это вопрос филологической герменевтики (корректной интерпретации, основывающейся на лингвистическом анализе языковых единиц) и лингводидактики (корректного учебного разъяснения существа языкового явления). Поскольку существо герменевтики как искусства толкования и понимания написанного или сказанного достаточно очевидно, сосредоточим внимание на вопросах лингводидактики.

Лингводидактика, как явствует уже из названия дисциплины, — это теория и практика обучения языкам. Поскольку язык необходим для изучения «всего на свете», то полезно в освоении разного знания опираться на ключевые лингводидактические принципы, важнейший из которых — **понимание языковых значений**. Если студент не понимает ключевых терминов математики или физики, биологии или химии, объяснять ему что-то «дальше» малопродуктивно, — нужно работать с базовыми понятиями и терминами.

Сказанное представляется очевидным для точных и естественных наук, — с гуманитарным знанием «очевидность неочевидна»: туманит иллюзия «понятности», поскольку ключевые слова кажутся хорошо знакомыми. «Мешает» полисемия и омонимия; в нашем случае: слова *этика* и *право*, во-первых, многозначные; во-вторых, по дискурсивным сферам — омонимичные (и общеупотребительные слова — и термины); в-третьих, нагружены разнообразными индивидуально-субъективными и социально-групповыми, в том числе ситуативно обусловленными смыслами и ассоциациями. Отсюда: что именно оказывается «в голове» у человека, который слышит или читает, пишет или произносит выражения типа *Это мое право!* или *Это безнравственно!* — определить крайне сложно.

Знаменитый француз Рене Декарт в «Правилах для руководства ума» (1628) печаловался: «...если бы среди философов навсегда установилось согласие относительно значения слов, то почти все их споры были бы прекращены» [2, с. 129]. Развивая, скажем: если бы люди понимали, что все их беды от небрежения законом и безнравственности, и начали в своих поступках следовать этому пониманию, то искать счастья стало бы не нужно, потому что установилось бы согласие: счастье — в чистоте души и соблюдении закона.

Этика: вопрос о «составных частях»

Когда произносят слово *анализ*, что имеют в виду? Разделение целого на составные части, в соответствии с др.-гр. этимологией: *analyo* ‘развязывать; разрешать (задачу, нечто трудное)’ < *ana...* ‘назад’ + *lyo* ‘развязывать, разъединять’ (здесь и далее др.-гр. этимологии по: [3]). Читаем профильный энциклопедический словарь: «Этика – практическая философская наука о *морали* (*нравственности*)» [4, с. 573]. Обратим внимание, что *мораль* и *нравственность* в данном словаре – заглавные слова отдельных статей, из чего следует, что три данные слова: *этика*, *мораль*, *нравственность* – вовсе не полные синонимы, как может показаться на первый взгляд.

Если принять, что *этика* – это наука, основывающаяся на теоретическом осмыслении и обобщении тех начальных данных, которые дают *мораль* и *нравственность*, то получаем лингводидактическую задачу разъяснения существа *этики* на основе выяснения специфики ее «составных частей» и одновременно ее «опытных оснований» – *морали* и *нравственности*.

Поскольку «культурная память» слов [5] надежнее всего вскрывается через обращение к их семантико-словообразовательной внутренней форме (от семантики отдельных морфем – к значению целого слова) и к семантическим этимонам – исторически исходным опорным смыслам, – обратимся к профильным филологическим данным.

Мораль – через фр. *morale* – из лат. *moralis* ‘моральный < *mos, moris* ‘нрав, обыкновение, обычай > образ жизни, поведение > свойство, внутренняя природа > закон, правило, предписание’. Читая последовательность семантического развития слова в обратном порядке, от результирующего значения к исходному, получаем: мораль – «правила», органично сложившийся порядок межличностного и социального взаимодействия, основывающийся на устоявшемся образе жизни, соответствующем «внутренней природе», менталитету. Таким образом, в моральных нормах отражается и утверждается надындивидуальная, социальная природа человека как общественного существа. «Морально неменяемый» человек, *in sanitas moralis*, безумно поставляющий себя над моралью, тем самым по собственной воле оказывается и вне общественных связей, – не «над», не «выше», как ему может представляться, но именно *вне*, за пределами общества, а значит, и своей собственной человеческой природы.

Нравственность – слово с общеславянским корнем, по-разному отразившимся в русском разговорном (с полногласием) суф. *норов* в значении «упрямство; характер с причудами» и в пришедшем из старославянского (с неполногласием) *нрав* – изначально в ассоциациях с добродетелью, жизнью в соответствии с христианским учением; в более

пространной семантизации: ст.-сл. *нрав* – «стремление, желание; доблесть» [6, с. 578–580]. В семантическом этимоне корня *нрав-* – представление не только о надындивидуальных (как в *морали*), но и о надсоциальных – о религиозных основаниях нравственности. Отсюда современное представление о *нравственном* не только как о добродетельно-«правильном», но и о доблестном, т. е. мужественно связанном с преодолением своих слабостей, прихотей, греховных побуждений.

Этика – если рассматривать это слово не как философский термин, а как общеупотребительную лексему, выступающую в обыденном словоупотреблении, привычном для студентов, – ассоциируется не с *нравственностью* (надсоциальными нормами взаимоотношений), но лишь с *моралью* – с социально детерминированным порядком взаимодействия членов общества, что отчетливо отражается в академическом словарном толковании, фиксирующем типовые представления носителей языка, ср.: «**Этика**... Совокупность норм поведения, мораль какой-либо общественной или профессиональной группы. *Врачебная этика. Научная этика*» [7, с. 1527].

Указанная «неполносоставность» представлений об этике у «наивных» (т. е. не обладающих специальными познаниями) носителей языка нельзя считать особенностью только русского языкового сознания, – скорее напротив: она отчетливо просматривается в древнем семантическом этимоне *этики*, ср.: лат. *ethica* ‘учение о нравственности’ – из др.-гр. *ethikos* ‘касающийся нравов, характера; нравственный, моральный’ <*ethos* ‘обычное местопребывание, жилище (людей) > нрав, обычай, характер, образ мыслей’. Как видим, какие-либо ассоциации с сакрально-религиозными основаниями этики как надсоциальной нравственности в семантическом этимоне не просматриваются.

Таким образом, с лингводидактической точки зрения, в целях формирования этической компетенции студентов необходимо не «просто» синонимизировать лексемы *этика*, *мораль* и *нравственность* как якобы находящиеся в отношениях взаимоинтерпретируемости, но по возможности разъяснить, что в обыденных представлениях об этике недостает представлений о нравственности, которая превышает устоявшиеся социально одобряемые нормы взаимоотношений.

Право: закон или справедливость?

Вспомним хрестоматийные строки юного Пушкина из оды «Вольность» (1817): «Владыки! вам венец и трон / Дает Закон – а не природа; / Стоите выше вы народа, / Но вечный выше вас Закон». «Вечный» – т. е. божественный, нравственный Закон, который превышает земных юридических установлений. Разумеется, это не «просто» мнение Пушкина как

частного лица, – это бессознательное убеждение народа, говорящего голосом своего поэтического гения.

Существенно отметить: огромная часть юридической терминологии по происхождению – из латыни, однако заглавное слово всего поля – не заимствованное *юриспруденция*, а исконно русское *право*. И, думается, дело не в том, что латинское – длинное и труднопроизносимое, а русское *право* – коротенькое, но прежде всего в морфемной, по корневой морфеме отсылке существительного *право* – к *правильному*, к *правде*, *справедливости*, составляющей фундаментальную черту русского менталитета, резко отличающую его от других народов [8].

В Словаре В. И. Даля, который уже более полутора столетий ценится как уникальный источник для изучения глубинных оснований русского менталитета, *правда* и *справедливость* синонимизируются, ср.: «**Правда**... истина на деле, истина во образе, во благе; правосудие, справедливость» [9, с. 379]. Ключевой компонент в приведенном далевском толковании *правды* – «истина на деле», что в контексте нашей темы ведет к оппозициям «истина на деле – формальная правда», т. е. «нравственная правда – правда формального закона» (подробнее в нашей работе: [10]).

Юстиция, латинское по происхождению слово, – вовсе не абсолютный синоним русского *право*. Лат. *justitia* ‘справедливость, правосудие; право, совокупность законов’ – от *justus* ‘законный, узаконенный’ <*jus, juris* ‘право, справедливость; совокупность законов’. Тем самым сущ. *юстиция* фиксирует, что именно формальный юридический закон является основанием справедливости, а русское сущ. *справедливость* отсылает к представлению о *правде* как коренящейся в высшей справедливости, в надсоциальной нравственности.

Отсюда лингводидактическая задача: по возможности разъяснить, что *право* как «система общеобязательных, формально установленных норм» [11, с. 732] радеет не об абсолютной справедливости, что абсолютная справедливость – идеал, на земле недостижимый. Право, как и государство, существует не для торжества абстрактной справедливости, – ради возможности сохранения социальной обустроенности, обеспечивающей саму возможность человеческой жизни. Афористически точно сформулировал русский религиозный философ Н. А. Бердяев: «Вл. Соловьев хорошо сказал, что государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад» [12, с. 73].

Этика и право как сферы общественного и индивидуального, личностного сознания существуют в неразрывном единстве. Люди соблюдают правовые нормы не только – а скорее, не столько потому, что опасаются применения правовых санкций за нарушения, сколько потому, что руководствуются живым нравственным чувством – голосом совести: «хорошо – плохо», а значит: «можно / нужно – нельзя».

Этическая и правовая компетентность студентов изначально опирается на «здоровый смысл», лингвистически опредмечивающийся в семантике ключевых слов. Потом на этой основе выстраиваются представления о понятийно-терминологической системе этики и права, – в онтологически необходимой взаимосвязи: правовые представления развиваются на базе этических (моральных, нравственных), затем в обратном движении: этические представления развиваются на основе осмысления необходимости норм правового регулирования.

Библиографический список

1. Ардюкова О. С., Давыденко Л. В. Формирование этических компетенций: этический практикум // Вестник Красноярского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3 (29). – С. 183–186.
2. Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989.
3. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
4. Гусейнов А. А. Этика // Этика: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – С. 573–581.
5. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 43–73.
6. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. Т. 1. – М.: Русский язык, 2001.
7. Новейший большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008.
8. Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В. Русский менталитет и европейская идентичность. Лингвистический и лингвоментальный аспекты // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2019. – № 1. – С. 69–80.
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. – М.: Русский язык, 1999.
10. Волков В. В. Лингвокультурология права и юридическая лингвокультурология: два типа правового сознания // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2016. – № 3. – С. 109–116.
11. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. – М.: Изд. Тихомирова М. Ю., 2008.
12. Бердяев Н. А. Философия неравенства. – М.: ИМА-пресс, 1990.